Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Дополняя Маркиза де Сада. Часть 2

Рассказав вам о предыдущем господине, пристрастие которого, я надеюсь, могло показаться вам любопытным, поведаю ещё одну историю, которая может прийтись по вкусу господину Кюрвалю.
Мадам Герцэг предупредила нас о том, что скоро заведение посетит очень знатный господин, которого необходимо обслужить специальным образом, за что тот, в свою очередь, щедро вознаградит исполнительницу. На её роль выбрали меня. Мне было тогда 18 лет. За две недели до встречи, меня обрекли на особую диету: бессчетное количество блюд, - такие как рыба, устрицы, соления, яйца и разные виды молочных продуктов; огромное количество белого мяса птицы и дичи без костей, приготовленные самыми разнообразными способами, немного мяса животных безо всякого жира, очень мало хлеба и фруктов. В результате такой диеты, выходило две дефекации в день.
В день приезда господина, меня хорошенько покормили с утра. Мадам Герэн строжайше запретила справлять большую нужду. Затем одела в лучший наряд, который дозволено носить только светским дамам. Сразу же после обеда, господин прибыл за мной. Он вывел меня в свет. Скоро вы поймёте, какую цель в своей страсти он преследовал.
Помимо той сладостной страсти, о сути которой я очень скоро вам расскажу, этого неизвестный господин питал любовь к театру. Мы прибыли в театр. Заняв почётные места в ложе, он приготовился наслаждаться спектаклем. Знатные господа и дамы, глядя на нас, думали, что мы супруги, полагая, что богатый вдовец повторно женился на юной леди. Но уверяю вас, завидовать мне в тот момент, ощущая то, что чувствовала я, никто бы не стал, если бы только знал подоплёку.
Я не могла разделить восторг и удовольствие от происходящего на сцене, поскольку всё, что меня заботило - это ощутимая потребность справить большую нужду, вызванную особой диетой и утреннем запретом сделать свои дела. Господин, на протяжении первого акта молча сжимал кисть моей руки, внимательно наблюдая за происходящим на сцене. Всё, что мне оставалось делать - это покрепче вжаться в мягкое кресло и удерживать в себе естественную надобность.
С большим трудом высидев первый акт, я осторожно поинтересовалась, будет ли мне позволено отлучиться по неотложной нужде, на что он загадочно ответил, что всему своё время. Мне оставалось только покориться. Во время второго акта я старалась сосредоточить своё внимание на актёрах, для того, чтобы отвлечься от потребности организма. Признаюсь вам, мне это удалось. К концу второго акта, удивительным образом, вызванное моим усилием воли, я перестала испытывать сильную потребность в дефекации. Когда объявили антракт, господин пригласил встать. Я надеялась на то, что он позволит мне освежиться, но у него было совсем другие планы. Вместо того, чтобы позволить мне отлучится в уборную, он - напротив, повёл меня в буфет.
Я намеревалась вежливо отказаться под предлогом того, что перед его приходом хорошо поела, но он не стал меня слушать. Вместо этого заказал мне особый обед, и проследил, чтобы я съела его без хлеба до крошки. Я сделала всё, как он велел. Стоит ли говорить, господа, что после буфета мне до смерти хотелось опорожниться. Но на мою настоятельную просьбу господин лишь сказал, что ещё не время. Я хотела проникнуть в тайну его замысла, но не

могла понять, когда же наступит развязка и мне позволено будет покакать. Но он молчал, и повёл меня в ложе, смотреть третий акт. На сей раз я уже не могла смотреть на сцену. Рядом стоял деревянный стул, и я попросила разрешить сесть на него. Господин позволил мне. Только благодаря жёсткости сидения, мне удалось справиться с настойчивой потребностью организма. Я выдержала и третий акт, а следом, после небольшого антракта начинался завершающий - четвёртый. Я предупредила господина о том, что нахожусь на грани, и спросила, будет ли мне позволено справить нужду во время антракта.
- Нет, моя нежнейшая. Ещё рано, - ответил он.
- Прошу вас господин. А то, как бы не было поздно! - предупредила его я.
- Охо-хо-хо, - рассмеялся он, и продолжил загадочно - никогда не поздно, милочка, никогда не поздно...
- Может быть, - предложила я, - мы поедем туда, куда вы прикажете, и я сделаю всё, что вам угодно. Но не заставляйте меня сидеть ещё и четвёртый акт.
- Ни в коем случае! Мне угодно, милочка, не пропустить заключительную сцену я её ни за что не пропущу! - сказал он.
Как видите, господа, что все мои попытки убедить были тщетны, и я, поминуя о моём отчаянном положении, была в не меньшей растерянности.
Он купил мне в буфете стейк, и велел съесть. Сам отлучился на секунду. Я наблюдала, как он разговаривал с директором театра, и о чём-то с ним договаривался. Затем сообщил мне о том, что последний акт будем смотреть с балкона, на котором были не мы одни, но и другие дамы и господа. Трудность заключалась ещё и в том, что на балконе не было сидячих мест, и заключительный акт предстояло досматривать стоя, облокотившись на козырёк. Во время заключительного акта я испытывала острейшее желание испражниться. Стоя сдерживать сильнейший позыв было гораздо сложнее, чем сидя в ложе. Содержимое моего кишечника просилось наружу.
- Господин! - обратилась я к нему, - как долго продлится заключительный акт?
- О, моя дорогая! - воскликнул он, - счастливые часов не наблюдают!
Я была далека от счастья.
- О господин, в ваших силах осчастливить меня! Позвольте мне ненадолго отлучиться!
- О, знаю я вас, дам. Вас нельзя отпускать одних, - ответил он.
- Так проводите же меня, - просила я.
Он промолчал. Я постояла ещё какое-то время. У меня начались сильные спазмы в животе. Я чувствовала, что ещё немного, и не смогу удержать то, что во мне давно накопилось.
- Прошу вас, - молила его я, - Пойдёмте! Пойдёмте же скорее! Силы мои закончились.
- Душенька моя, потерпите ещё немного. Скоро закончится спектакль. Уже скоро.
- О, сударь! Но я не могу ждать больше. Если мы задержимся ещё ненадолго, я обкакаюсь!
- О, как можно так говорить, сударыня. Вы же не дитя. Потерпите ещё чуток!
Он был непреклонен и несгибаем. Впрочем, и я ничуть не лукавила перед ним.

Рассказ мадам Дюкло прервали внезапные всхлипы Аделаиды.
- Что такое? - разгневался президент - кто посмел нарушить установленные правила? Ведь ясно же сказано, что никто не смеет прерывать рассказов Дюкло, кроме меня, Герцога, Епископа и Дюрсе!
Все обратили свои взоры в сторону дочери президента. Она плакала, закрыв лицо руками, а

из по её стула, прямо на пол текли струи...
- Негодница! - стукнув кулаком по столу, крикнул президент, - позоришь отца! Не могла спокойно посидеть, послушать, чтобы не напрудить лужу! Ты заслуживаешь наказания!
К ней подошёл Дюрсе. Резким движением поднял её со стула. Развернул задом. Ощупал задницу.
- Да ты вся мокрая! Моя жена уписалась! Какой позор, - восклицал он - потрогайте, потрогайте её все! Ну же, все сюда! Посмотрите, как эта негодница нарушила правила - пописала без разрешения!
Собравшиеся послушно подходили и ощупывали бедную, плачущую Аделаиду. Последним подошёл Герцог де Бланжи. Внимательно, осмотрел девушку. Ощупал.
- Вот наглядное доказательство, Дюрсе! - подняв указательный палец вверх, произнёс он, - того факта, что не может дама умереть от желания пописать. При наполнении мочевого пузыря, сфинктер расслабляется и... происходит то, что мы имеем честь наблюдать. Дама не умерла, а всего-лишь навсего написала в штанишки. Ай, как нехорошо! Ну же, ну, успокойся. Пойдём-ка лучше со мной, а вы пока дослушайте рассказ, так внезапно прерванный.
Герцог увёл всхлипывающую Аделаиду в комнату, и Дюкло завершила рассказ.

- Так вот, господа, - завершала повествование она, - стоя на балконе театра, почти перед самым финалом спектакля, мучимая долгой нуждой, я, при всём моем старании стала сдаваться. Врата заднего прохода приоткрылись, и небольшой кусок "добра" , вылез из его створ и упёрся в нижнее бельё. Я лишь покорно облокотилась на козырёк и больше ни о чём не просила господина. Пока я стояла, чувствовала, как медленно, по миллиметру он продвигается наружу. Кусочек отломился и осел в моих трусиках. Я покорилась судьбе и не сетовала на неё. Легче мне не стало ничуть.
Напротив - очередная волна скрутила меня, и новая порция поползла наружу. На сей раз количество её возросло, и массу груза я тот час почувствовала, как только она обвалилась в моё белье. Соседи по балкону невольно стали оглядываться, почуяв неладное. Я ничего не могла с собой сделать. На сцене шло завершение спектакля, а я стояла и испражнялась в одежду. Во время финальной сцены, когда актёры кланялись зрителям, я навалила огромную кучу и аплодировала актёрам. Когда обернулась, то обнаружила рядом стоящего господина, щупающего мою задницу, и обнаружившего произошедшее со мной.
- О Боже! О боже! - восклицал он, - да ты обкакалась!
Надо сказать, что большая часть находившихся рядом на балконе стали уходить раньше, не дождавшись окончания. Причиной их ухода было то, что случилось со мной, я думаю.

- И чем же всё закончилось? Мадам Дюкло? - спросил воспалённый Кюрваль, - этот господин разрядился прямо в ложе?

- Не таков был он. На протяжении всей встречи он так ни разу и не выдал своего намерения и скрытой страсти. Он продолжал делать вид, что произошла страшная досада и конфуз.

- Ах, какой хитрец, - произнёс президент.

Он ни на секунду не выдал себя, более того, остался чистым и благородным в глазах публики,

но хотел опозорить и застыдить меня. Он взял меня за руку, и суетно стал всех расталкивать, проговаривая: "Простите! Извините! Даме срочно нужно в туалет". Люди обращали на нас внимание, а он делал вид, будто спасает мою честь.
- Будьте так любезны! Где здесь дамская комната? - спрашивал он у людей, - У моей дамы конфуз. Ей нужен туалет!
Люди кто-то сочувственно, кто-то брезгливо глядели на мою задницу, в области которой отчётливо виднелась моя ноша...
Затем возник директор театра, и господин громко попросил его провести нас в служебное помещение, чтобы его дама могла привести себя в порядок, после того, как обкакалась. Он несколько раз произнёс это слово так, что все в театре знали о том, что я наделала в штанишки.
Затем мы прошли в отдельную комнату. Пока шли, он всё трогал меня за зад, и приподнимал то, что у меня выпирало сзади. Зашли в помещение, в котором располагались удобства и возможности привести себя в порядок. Лишь в этот момент он дал волю чувствам: стал жадно целовать меня в губы, достал член и вложил мне в руку.
- Давай, милая, возьми его в руку, - твердил он, ощупывая мою задницу, и главным образом то, что вывалилось из неё.
Через минуту он брызну мне на одежду, и сказал, что такого наслаждения никогда не испытывал. Затем задрал мне платье, и помог сунуть бельё. Я выкинула "поклажу" , подмылась. Выйти из театра пришлось без нижнего белья. Мы сели на скамейку. Он велел пересесть к нему на колени. Признаюсь вам, господа, что после произошедшего, я истекала любовными соками.
Господин потребовал у меня пересказать случившееся. В середине рассказа он посадил меня на свой прибор, и мы медленно двигались в то время, пока я заканчивала рассказ. Во время описания кульминационного момента, случившегося со мной в заключительном акте спектакля, тело моё содрогалось от сильнейшей разрядки.
После чего он вернул меня в заведение.

- Что ж, - согласились господа - У него был утончённый вкус.
Зазвенел звонок на ужин. Начались трапеза и вечерние оргии.

Все пожелания, мысли, предложения, критику и рецензии на рассказы присылайте на мэйл Peeacsfan2@rambler.ru